

Ну что ж, вновь оказаться в стране детства — заветная мечта многих писателей-фантастов (и не только фантастов, и не только писателей). Хотя даже она, как частенько бывает у Кира Булычева в последнее время, сопровождается грустной ноткой. А давайте-ка попробуем заглянуть в эту страну хотя и с озабоченностью, но без тени печали. Ведь нас согласился сопровождать самый непослушный ребенок, дающий только «вредные советы», — поэт и писатель Григорий ОСТЕР.

Григорий Бенционович, в свое время вы опубликовали «Сказку с подробностями», «Легенды и мифы Лаврового переулочка» для детей 70-х. Чем ваши прежние юные читатели отличаются от нынешних?

— Знаете, так не бывает: сначала ребенок, ребенок, ребенок, а потом БА-БАХ! — и вдруг взрослый! Ребенок — это процесс перехода во взрослое состояние. И никогда не определить, что годится только для детей, а что только для взрослых. Потому и писал я всегда для детей, превращающихся во взрослых.

Если говорить о творчестве, я просто пишу то, что мне нравится, что мне приятно и что у меня получается. Потом, анализируя дело рук своих, понимаю, чего подсознательно, как писатель, хотел от детей. Освободить их от идиотских, навязанных взрослыми стереотипов, которые зажимают в рамки, не дают развиваться, которые делают из них не счастливых людей, а ущербных «подчиненных». В этом смысле дети Советского Союза были особыми. Их отцов, дедушек, прадедушек мучили, мяти, топтали. Выживал тот, кто вел себя тихо, так, чтоб не тронули. Выработался целый ряд стереотипов несвободного поведения. И моей задачей было высмеять эту кошмарную ситуацию. Помочь людям, которые из детей потихоньку «происходили во взрослого», как человек из обезьяны, стать более свободными.

Но вот разрушилась система, которая держала и взрослых, и детей — всех нас — в мощном поле напряжения несвободы. И ситуация повернулась другим полюсом. Ведь что такое несвобода? Она бывает разная. Полная степень несвободы тоталитарного режима ужасна. Но полная, бессмысленная, безумная свобода человека, у которого не выработаны критерии поведения, не менее страшна. Какие-то рамки ребенку обязательно нужны. Он не может вырасти нормальным взрослым человеком в мире, где нет никаких запретов. Таких миров просто не бывает.

Что такое настоящая свобода? Это возможность осознанного выбора. Но если нет согласия среди старших, то у ребенка не может сформироваться устойчивых внутренних критериев. Сегодня у него на глазах ругаются, спорят и не могут договориться все сто миллионов живущих вокруг него взрослых.

Когда ребенок сталкивается с немотивированными запретами, он воспринимает их как прихоть взрослого. Почему нельзя вести себя иначе? В советские времена ребенок на опыте убеждался: в результате он не будет отличником, не получит хорошей характеристики, не поступит в хороший институт и так далее. Это создавало для него определенную, уже мотивированную несвободу. Каким сформируется нынешнее подрастающее поколение, совершенно непонятно. Раньше оно могло вырасти

всегда можно заметить. Ребенок свои гипотезы проверяет сразу. Он задает вопросы, «пробует вести себя». У меня, например, Никите еще трех нет. Когда ему что-нибудь нужно от меня, он пытается сказать: «А ну-ка сейчас же дай мне сок!» Или: «А ну сейчас же возьми меня из кровати!» Он проделывает это тем же твердым, спокойным голо-

— Во-первых, дети, которые сегодня поступают в институты, десять лет назад были семилетками. А это уже сформировавшиеся человечки. Старая система координат несвободы начала работать с ясель. Я помню, как мой Саша, которому было четыре года, когда умер Черненко, спрашивал маму в троллейбусе: «Мама, а почему

стливых детей. В отличие от зажатых наших, из которых воспитывали то, что мы называем «совок». Но образованный!

— Но ведь проблемой воспитания подрастающего поколения озабочены и, так сказать, на «официальном» уровне.

— На уровне государства его просто нет. Он сейчас есть только на уровне семьи. Мама с папой может в чем-то не соглашаться, но есть круг вопросов, по которому они априорно, с самого начала вместе. Нельзя рисовать на обоях! Или можно. Нельзя резать ножом шкафа! Вопрос не в том, надо или не надо рисовать на обоях, а в том, что существует «официальный уровень». И он есть в каждой нормальной семье. Это вещи, понятия, которые непреложны. В ненормальной его нет, есть крик мамы, папы, бабушки. В семье, где все молчат, кроме папы, у которого кулаки и перерга из рта, или бабушки, которому принадлежит дом, «официальный уровень» тоже есть. Только он тоталитарный.

Один считает, что патриотично стереть Чечню с лица земли, другой — что патриотично заявить: хотите — выходите, хотите — приходите. Общепринятых «официальных» критериев нет. А ребенок точно так же. Вот он живет в своем дворе, на своей улице, общается с какой-то компанией и потихоньку вырабатывает критерии патриотичности. Между прочим, не очень-то мою книгу «Легенды и мифы Лаврового переулочка» перевели на Западе. Потому что у них вообще нет такого понятия — «двор». «Наш двор», «наша улица», «наши соседи» — такое существует только в беднейших кварталах. По какому принципу объединяются дети — «наша футбольная команда», «наша тусовка»? Понятие патриотизма возникает, когда есть понятие «мы». Как только ребенок определит, что такое «мы», что такое «наш», появляется и понимание патриотизма. Но патриотизм тоже палка о двух концах: «мы» всегда предполагает, что имеются «не мы» — «они».

— Один из моих сыновей задает вопрос: «Папочка, а правда, русские всегда побеждают?» Пробую объяснить, что по-разному бывает, но он не соглашается: «Нет, в конце концов все равно победят!»

— Вот это тот стереотип, который закладывался тоталитарным режимом: «Мы побеждаем всегда!» В одной ситуации русские, в другой — советские, но — всегда! Я думаю, патриотизм, как это ни странно, не принадлежит к глобальным нравственным понятиям. Даже если ввести патриотизм общечеловеческий, тогда кто такие «они»? Все животные? Микробы? Другие галактики? Но этими рассуждениями нельзя увлекаться, если на пороге дома стоит враг или рэкетир. Бывают моменты, когда государственный патриотизм становится самым главным. Как во время Великой Отечественной. Очевидно, что против Гитлера надо было драться, но при этом на стороне Сталина. И откуда от этого не денешься... Хотя я всегда говорил, что из двух зол всегда выбирают зло. А большее или меньшее — вопрос дискуссионный. Может, и нет такого понятия, как «мера» зла. Есть же на свете вещи, которые не измеряются.

— Не возникает ли у вас ощущения, что наши дети умеют больше нас? Благодаря тем-
Материал предоставлен газете «Куранты» единственным российским журналом фантастики и футурологии «Если», где это интервью будет опубликовано в полном объеме. В том же сентябрьском номере «Если» будет напечатан знаменитый фантастический боевик Пирса Эбани «Вам Мастер пипинзы».

левиению впитывают море информации, осваивают в пятилетнем возрасте компьютер...

— Вопрос в том, какой мир их окружает. Вы говорите, что они могут больше нас, а охотник-чукча скажет, что в миллион раз меньше. Потому что не могут уже ни след определить, ни белке в глаз попасть. Дети что-то приобретают в сравнении с нами, что-то утрачивают.

Каждое поколение — другое. И в то же время — прежнее. Можно играть словами, но еще Экклезиаст советовал: «И не говори о том, что прежнее лучше нового, ибо не от разума своего говоришь ты это». То же самое я бы сказал наоборот: не говори, что новое лучше прежнего... Они не лучше, не хуже, ситуация у них совершенно другая! Ребенок по телевизору видит, как Иванушка попил из копытца и превратился в козленочка, и делает современный вывод: «У, а Иванушка — трансформер».

— Правда ли, политики — не наигравшиеся в детстве взрослые?

— Наверное, да. А вообще наиграться просто нельзя! Для меня это естественное состояние любого человека.

— Можно ли дать прогноз, какими станут наши дети?

— Я знаю только одно: каждый из них станет взрослым. А вот каким и что будет представлять собой общество этих взрослых людей, сказать трудно. Вообще-то дети — народ-завоеватель, который приходит в наш мир и в течение каких-то тридцати-пятидесяти лет полностью вытесняет все население, живущее на этом месте. Как когда-то римляне, завоевав Грецию, восприняли ее культуру, или как европейские завоеватели навязали свою волю покоренным народам. Нам, взрослым, народу, которому предстоит быть побежденным, чем мы вообще не огорчаемся, даже если они скроют новое звездное небо, хотелось бы, чтобы они помнили, какие созвездия составляли мы. А на самом деле все взрослые для своих детей хотят только одного. Чтобы их дети были счастливы... Я думаю, что будут. Куда денутся?

— Вам не кажется, что ваш заряд оптимизма несколько выбивается из современной тоналности?

— Почему? Раз люди рожают детей — значит, они оптимисты. Посмотрите сами: появилось много беременных женщин. А еще три года назад роддома были пустыми. Видимо, женщинам надоело ждать, когда станет лучше. Они терпели, терпели и не утерпели! Значит, все будет в порядке. Вылезет кривая. Россия — удивительная страна: всегда каким-то образом разворачивается и идет дальше...

Беседу вел
Владимир ГУБАРЕВ.

Если вы еще не твердо
В жизни выбрали дорогу
И не знаете, с чего бы
Трудовой свой путь начать,
Бейте лампочки в подъездах —
Люди скажут вам спасибо.
Вы поможете народу
Электричество беречь.

Когда состаришься — ходи
По улице пешком.
Не лезь в автобус, все равно
Стоять придется там.
И нынче мало дураков,
Чтоб место уступать,
А к тем далеким временам
Не станешь их совсем.

Григорий Остер.
«Вредные советы».

НОВЫЕ ДЕТИ?

Как Григорий Остер поменял «вредные советы» на задачки

ужасным. Но это можно было предвидеть, предсказать. И бороться против неправильных стереотипов. Скажем, «вредными советами», которые сам я называл «прививками». А сегодня диагноз совсем не ясен.

Когда говорят «новые русские», всегда имеют в виду новых богатых людей. Это чепуха. Они совсем не новые! Богатые и очень богатые люди в этой стране были всегда. Что называть богатством, в конце концов? Не важно, лежат у тебя деньги на счете, в чемодане под кроватью, спрятанные от налогов, или просто ты в силу ситуации все берешь бесплатно — как могли это себе позволить партийные бонзы. А вот настоящие «новые русские» — это дети. И что с ними будет, какими они станут, полностью зависит от взрослых. Когда родители в упоении своей ссорой бегают по квартире, размахивают руками, орут друг на друга и напрочь забывают о зашатавшихся в углу и следящих за ними безумных глазах детей, то это вроде как их личное дело. Но когда вся страна именно этим и занимается и ведет себя абсолютно по этой самой схеме? Так чего же ждать от детей?

— И какими вы их себе представляете, этих «новых русских», которые еще не стали взрослыми?

— У них полностью отсутствует поле, в котором было бы понятно, как можно себя вести и как нельзя. Ребенок, ходивший в ясли, в детский сад, в школу, общавшийся со взрослыми дома, с рождения узнавал понятия «можно» и «нельзя». Может быть, это были кошмарные в какой-то своей части понятия, но они были! Сегодня таких понятий нет. У основной массы нынешних детей нет шатаний, метаний, нет предпочтений.

— И что же в этой ситуации остается делать? «Прививки» с непредсказуемыми последствиями?

— Знаете, сейчас я больше не даю «вредных советов». Тогда все было просто, я брал конкретную ситуацию, доводил ее до абсурда и показывал ребенку, к чему приведет вот такая система поведения. «Бей друзей без передышки, каждый день по полчаса, и твоя мускулатура станет крепче кирпича. А могучими руками ты, когда придут враги, сможешь в трудную минуту защитить своих друзей!»... И все сразу становилось на свои места. Сегодня я не делаю прививок, а пишу задачки...

— Но даже в этом хаосе детям приходится выбирать. И часто не видно, как внутри маленького человечка накапливается что-то такое, что мы, взрослые, потом с удивлением обнаруживаем.

— Ну почему — не видно? Если быть внимательным, то

Фото Татьяны ОСТРОВСКОЙ.

сом, каким ему говорят: «А ну сейчас же положи на место!» И когда наталкивается на такой же твердый ответ — нет, так нельзя, так не получится, — то делает для себя выводы.

Мы с вами тоже всегда, попадая в какую-то ситуацию, «проверяем» окружающих. Просто у нас накопился определенный опыт, как добиваться результата. Где надо — просить, где — настаивать, а где — схватиться за какое-нибудь место и кричать: «Ой, болит, болит!»

— А как тогда объяснить, например, что на абсолютно бесперспективный с точки зрения сегодняшнего дня биологический факультет идет большое число школьников? Раньше этим можно было решать статусные, так сказать, вопросы. Поступив в университет, можно было идти в науку, получить квартиру, положение в обществе и так далее. Сегодня для этих ребят такого стимула нет.

Черненко нам всем так дорог? Чем приводил маму в ужас и полтроллейбуса тоже. Или выясняет, что будут бомбить в случае ядерной войны. «Особые важные объекты», — отвечают ему. «А правда, школа — это очень важный объект?» Так что дети тоже вкусили...

Самое смешное и удивительное, что те, кто сейчас поступает в институты, как раз находились в самых лучших условиях. Они не были под таким прессом, как мое поколение, я уж не говорю о поколении моего отца! Система несвободы начала слабеть. И в какой-то момент, как это ни странно, стала почти нормальной. Школа перестала быть безумной, перестала быть тоталитарной, перестала давить и угнетать детей. Она стала дискуссионной! Но нынешние семилетки пришли уже на развалины. Вместе с «давиловкой» в школе, к сожалению, исчезло и много прекрасного. По крайней мере, наше образование было лучше, чем в Америке. В этом я убедился на собственном опыте, общаясь с тамошними школьниками. Другое дело, там я встретил свободных, раскоряченных, сча-